

УДК 327.7

Михайленко В. И.^a, Сухроб Р.^b

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

^ae-mail: valery.mikhaylenko@urfu.ru

^be-mail: izan_93@mail.ru

Центральная Азия как интеграционный проект в условиях неопределенности

DOI: 10.33693/2658-4654/-2020-2-3-44-53

Аннотация. Цель исследования. В статье рассматриваются факторы, влияющие на интеграционные процессы в Центральной Азии. Анализируются процессы обоснования, становления и институционализации Центральной Азии как региона. Дается краткий сравнительный анализ состояния исследований в России и за рубежом процессов регионального строительства в Центральной Азии. Для обоснования теоретико-методологических инструментов исследования авторы обращаются к теориям «старого» и «нового» регионализма, особенно отмечая эвристический потенциал «незападных» теорий. Авторы стремятся обосновать выбор интеграционных моделей в центральноазиатском регионе в зависимости от цивилизационной парадигмы региональных акторов. В связи с этим в статье анализируются процессы становления национальной идентичности центральноазиатских государств. В связи с обращением Казахстана к тюркским истокам идентичности в статье обращается внимание на основы мировидения в турецкой исламской мысли. Усиление роли Китая в инфраструктурных проектах в государствах Центральной Азии поднимает вопрос относительно особенностей глобальной и региональной политики этого государства. Россия опирается в регионе на нормативную силу. Авторы приходят к выводу о том, что у основных внешних и внутренних промоутеров интеграционных процессов в Центральной Азии существуют разные взгляды на регионализм и разные подходы к тому, как должен быть организован региональный порядок.

Выводы. Авторы разделяют точку зрения А. Ачария, Б. Бузана и Дж. Лоусона относительно того, что глобальная трансформация системы оказывает влияние на формирование «незападных» подходов к теоретическому обоснованию интеграционных моделей и практическому конструированию интеграционных проектов. Опыт регионального конструирования в Центральной Азии дает обширный эмпирический материал для теоретического осмысления «незападного» регионализма и политикам для учета специфических особенностей регионостроительства и реализации интеграционных проектов.

Ключевые слова: регион Центральная Азия, интеграция, регионализм, регионостроительство, «незападные» теории регионализма.

Для цитирования: Михайленко В. И., Сухроб Р. Центральная Азия как интеграционный проект в условиях неопределенности // *История и современное мировоззрение*. 2020. Т. 2. №3. С. 44-53. DOI: 10.33693/2658-4654/-2020-2-3-44-53

V. I. Mikhaylenko^a, R. Suhrob^b

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation

^ae-mail: valery.mikhaylenko@urfu.ru

^be-mail: izan_93@mail.ru

Central Asia as an integration project in the face of uncertainty

Abstract. Purpose of the study. The article examines the factors influencing the integration processes in Central Asia. The processes of substantiation, formation and institutionalization of Central Asia as a region are analyzed. A brief comparative analysis of the state of research in Russia and abroad of the processes of regional construction in Central Asia is given. To substantiate theoretical and methodological research tools, the authors turn to the theories of «old» and «new» regionalism, especially noting the heuristic potential of «non-Western» theories. The authors seek to justify the choice of integration models in the Central Asian region depending on the civilizational paradigm of regional actors. In this regard, the article analyzes the processes of the formation of the national identity of the Central Asian states. In connection with Kazakhstan's appeal to the Turkic origins of identity, the article draws attention to the foundations of the worldview in Turkish Islamic thought. The strengthening of China's role in infrastructure projects in the Central Asian states raises the question of the specifics of this state's global and regional policies. Russia relies on normative power in the region. The authors come to the conclusion that the main external and internal promoters of integration processes in Central Asia have different views on regionalism and different approaches to how the regional order should be organized.

Conclusions. The authors share the point of view of A. Acharya, B. Buzan and J. Lawson that the global transformation of the system influences the formation of «non-Western» approaches to the theoretical substantiation of integration models and the practical design of integration projects. The experience of regional construction in Central Asia provides extensive empirical material for the theoretical understanding of «non-Western» regionalism and for politicians to take into account the specific features of regional construction and the implementation of integration projects.

Key words: region Central Asia, integration, regionalism, region-building, «non-Western» theories of regionalism.

For citation: Mikhaylenko V. I., Suhrob R. Central Asia as an integration project in the face of uncertainty // *History and modern perspectives*. 2020. Vol. 2. №3. P. 44-53. (in Russ.) DOI: 10.33693/2658-4654/-2020-2-3-44-53

ВВЕДЕНИЕ

«Постковидный» мир усугубил положение большинства государств Центральной Азии (ЦА), чья экономика опирается на экспорт природных ресурсов. Как констатировал Президент Казахстана К.-Ж. Токаев, одного из лидеров региона, «длительный нефтяной суперцикл, похоже, завершился. Следует быть готовым к совершенно новой конъюнктуре мирового рынка» [Послание]. Реакцией на кризисную ситуацию стало объявление президентом Казахстана нового экономического курса, базирующегося на семи принципах. Это справедливое распределение благ, ведущая роль частного предпринимательства, честная конкуренция, рост технологичности экономики, инвестирование в образование нового типа, ставка на экологию и ответственность государства перед обществом за обоснованность его решений [Послание...]. Пока сложно сказать за счет каких ресурсов будет происходить повышение конкурентоспособности казахстанской продукции на мировых рынках и увеличение экспортного потенциала республики.

Новая экономическая ситуация может существенно

повлиять на динамику экономического и социально-политического положения в отдельных странах ЦА, сформировать новые вызовы, переформатировать лидерство государств в регионе и внести изменения в интеграционную повестку в регионе в целом.

В данной статье ставится задача проанализировать интеграционные процессы в регионе ЦА, определить интеграционный потенциал как самих центральноазиатских государств, так и внешних глобальных и крупных региональных акторов. Авторы опираются на современные теории регионализма, учитывают современный контекст дискуссий о «незападных» теориях международных отношений, творчески используют результаты исследований отечественных и зарубежных авторов [Сухроб].

Представленное к публикации исследование состоит из двух частей. В первой речь идет о концептуализации региона Центральной Азии. Во второй части анализируется интеграционный потенциал центральноазиатских государств и влияние внешних акторов на региональную интеграцию в Центральной Азии.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ФОРМАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Начнем с дискуссии относительно формализации современного региона ЦА. Авторитетные исследователи региона М. Ларуэль и С. Пероуз справедливо ставят под сомнение наличие на данный момент центральноазиатской региональной идентичности. «Каковы предпосылки единства Центральной Азии? Почему Казахстан должен поддерживать связи с Таджикистаном, а не с Россией? Почему Таджикистан должен присоединиться к Кыргызстану, а не к Афганистану? А что привлекает Туркменистан в Узбекистане, а не в Иране или в Турции?» [Laruelle, Perouse, 2012]

Как отмечает Г. Майтдинова, директор Центра геополитических исследований Российско-таджикского славянского университета, в силу ресурсного потенциала и геополитического расположения создается пространство, как для новых возможностей, так и вызовов. «Наложение друг на друга исторических, этнических, конфессиональных, хозяйственных, культурных, административно-территориальных и других факторов обусловили современное геополитическое положение в регионе». «Все эти факторы играют существенную роль при реализации национальных интересов новых государств региона» [Майтдинова, 2017: 20]. Эта оценка является справедливой, но еще не основанием формирования региональной идентичности. В начальный период независимости звучали завышенные оценки роли и значения Центральноазиатского региона как геополитического и ресурсного центра [Кушкумбаев, 2017: 7].

В зарубежном научном и политическом дискурсе утверждается взгляд на Центральную Азию не как на постсоветское пространство, а формирующийся отдельный регион. Некоторые из них, как, например, Ф. Старр, добавляют Афганистан в «Большую Центральную Азию» [Интервью Ф. Старр]. Американский политолог утверждает, что без Афганистана невозможна региональная интеграция, и что все попытки интеграционных процессов в ЦА без участия в нем Афганистана, обречены на провал. «Верните Афганистан в Центральную Азию и ее население превысит 100 миллионов человек. Сложно игнорировать такое образование». По его мнению, страны ЦА должны сотрудничать с Афганистаном и «развивать более тесные связи с Афганистаном через энергетические, экономические, культурные, торговые линии и линии безопасности, которые непосредственно способствуют региональной стабильности» [Интервью Ф. Старр]. На официальном уровне эту позицию разделяет А. Уэллс, первый заместитель помощника госсекретаря по Южной и Центральной Азии: «Большое изменение заключается в том, что Афганистан является государством Центральной Азии, и нам необходимо, чтобы наша политика отражала этот факт и помогла региону достичь такого уровня, в котором они нуждаются как страны не имеющие выхода к морю» [Putz].

Таким образом, участие в формализации и институционализации региона ЦА (regionbuilding) принимают не только сами страны региона, но и внешние акторы, преследующие свои геополитические интересы в Центральной Азии.

Как показывает пример результативных интеграционных процессов в Европе, Юго-Восточной Азии и Латинской Америке, региональная интеграция – это длительный и сложный процесс. Оценивая ситуацию в ЦА с рациональ-

ных позиций можно прогнозировать с большой долей вероятности, что интеграционный процесс пойдет по «асеановскому пути» или, другими словами, с использованием технологий «мягкого регионализма». Технологии «мягкого регионализма» характеризуются неформальностью, гибкостью, стремлением к консенсусу. Одной из норм интеграции в Юго-Восточной Азии является невмешательство во внутренние дела других государств, уважительное отношение к их суверенитету, поэтому отсутствует стремление к созданию юридической системы формальных наднациональных институтов. Страны АСЕАН предпочитают выстраивать отношения с крупными глобальными и региональными акторами через коллективные интеграционные институты [Сомкамнерд Навапат, 2018].

Однако, на пути региональной интеграции государства ЦА должны расчистить «завалы» в виде регионального соперничества, расхождения религиозных и гражданских ценностей, исторических наслоений взаимных претензий, зависимости интеграционной политики от внешних акторов. В этом им могут способствовать или, напротив, препятствовать глобальные и крупные региональные державы. Даже в том случае, когда внешние акторы продвигают интеграционную повестку в регионе, это не означает, что они не преследуют свои собственные геополитические интересы. «В очень небольшом регионе одновременно сконцентрированы и взаимоувязаны в сложный комплекс интересы крупнейших мировых игроков – ключевых глобальных ньюсмейкеров – России и КНР, США и ЕС, Японии и Южной Кореи, Ирана и Турции. Многие из них утвердили свои стратегии в отношении небольшого региона в центре Евразии» [Центральная Азия, 2017].

Идеальных интеграционных проектов не бывает. За каждым из них, большим или малым, стоит совокупность государственных интересов. Что касается моделей международных конструкторов и институтов, то в ближайшей перспективе будут продолжать доминировать их западные образцы, приспособленные к региональной специфике. Что не исключает возможностей появления в ЦА ирредентистских региональных проектов типа «исмаилистского государства», затрагивающего интересы безопасности сразу нескольких центральноазиатских государств и Китая [Князев].

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С тех пор, как в конце 1991 г. государства Средней Азии обрели независимость в результате распада Советского Союза, изучение региона проводилось преимущественно исследователями из США и Европы. Российским исследователям понадобилось некоторое время для того, чтобы принять не только термин Центральная Азия, но и обратить внимание на особенности регионального строительства [Сафранчук, 2017: 48-55].

Директор Института европейских, российских и евразийских исследований, аффилированного с Университетом Дж. Вашингтона, М. Ларюэль отмечает, что в последние годы серьезные работы по Центральной Азии опубликовали японские ученые, однако они слабо взаимодействуют с англоязычными коллегами. Китай, Индия, Иран, Турция обладают хорошо подготовленными экспертами в этой сфере, но все они работают индивидуально и пока не создали «мозго-

вые центры» мирового уровня, за исключением, пожалуй, Индии [Ларюэль, 2017: 4, 5].

Наиболее удивительным является отсутствие на мировом уровне голоса исследователей из стран ЦА, за исключением немногих известных исследователей еще советской эпохи. Тем не менее, оптимистично заявляет М. Ларюэль, ситуация меняется в связи с быстрым развитием нового поколения исследователей международных отношений [Ларюэль, 2017: 4, 5]. Надо отдать должное М. Ларюэль в том, что она не только сама монополизировала ряд исследовательских направлений ЦА, но и активно включает в международное научное сообщество ученых из региона. Под редакцией М. Ларюэль вышло несколько сборников научных трудов исследователей государств Центральной Азии [Центральная Азия, 2017].

Осуществляемые зарубежными авторами исследования, экспертные оценки, прогнозы и другие формы научного анализа процессов в ЦА учитываются и включаются, например, в планирование стратегий и программ Европейского Союза для данного региона. В качестве примера можно сослаться на принятую в 2019 г. новую стратегию «ЕС и Центральная Азия: новые возможности для более крепкого партнерства». В нее были включены предложения и рекомендации аналитического центра EuropeUnion – CentralAsiamonitoring (EUCAM).

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗАПАДНЫХ И АЗИАТСКИХ ТЕОРИЙ РЕГИОНАЛИЗМА

В последние годы усилились дискуссии относительно сопряжения западных и азиатских теорий для научного анализа международных отношений в Азии. Амитав Ачария, один из признанных авторитетов, обративших в последние годы внимание на теоретическое осмысление динамики международных отношений в Азии, отмечает, что среди азиатских ученых и ряда европейских широко распространено мнение, что теории, основанные на европейском опыте, являются малопригодными для понимания азиатского регионализма и международных отношений [Acharia].

К примеру, ученые КНР пытаются обосновать «китайскую школу международных отношений», которую выводят из национальных исторических практик и из метафизического китайского мировоззрения. Речь идет о противопоставлении азиатского универсализма и цивилизационной исключительности в формах азиатского понимания глобализации и международных отношений, особого азиатского капитализма, азиатских гуманитарных и политических ценностей, азиатской концепции прав человека и демократии. Еще не сложившийся азиатский универсализм может подвергнуть отторжению западные модели универсализма.

На этот счет А. Ачария высказывает собственное мнение: «...Я не фанат азиатской исключительности. Я также не думаю, что теории, полученные из Азии, полностью вытеснят существующий корпус теорий МО. Но в отличие от Айкенберри и Мастандуно я также не думаю, что существующие теории МО достаточны и с небольшими изменениями позволяют объяснить основные тенденции в международных отношениях в Азии» [Acharia].

Некоторые исследователи считают, что включение «западных» теоретических конструктов в теории международных отношений станут логическим шагом к более плюралистической и «культурно ориентированной» эгалитарной дисциплине. Оптимистический вариант предусматривает

динамику позитивной конвергенции теорий, результатом которой станет взаимное обогащение и сопряжение западных и незападных теорий.

Тема особенностей азиатских интерпретаций теорий международных отношений находит поддержку у исследователей, занимающихся изучением интеграционных процессов в ЦА. Ф. Толипов, директор негосударственного научного учреждения «Караван знаний» (Узбекистан), отмечает, что известные теории интеграции не содержат достаточного научного потенциала для понимания процессов регионостроительства в ЦА [Толипов, 2017: 24-28, 28-32].

Для обоснования своей точки зрения Ф. Толипов прибег к приему сопоставления теорий интеграции и дезинтеграции применительно к одному и тому же процессу регионостроительства в ЦА. По его мнению, в ЦА процессы государственного и регионального строительства были начаты одновременно с обретением независимости центральноазиатских государств. И мало, кто обращает внимание на то, продолжает Ф. Толипов, что «собственно интеграционный процесс в Центральной Азии имеет внушительные активы, накопленные за прошедший период, а также на то, что интеграция оказалась искусственно прерванной». По его мнению, речь идет о созданном в 1994 г. Центрально-Азиатском Экономическом Сообществе (ЦАЭС), которое в 2002 г. было преобразовано в Организацию Центрально-Азиатского сотрудничества (ОЦАС). Ф. Толипов считает, что центральноазиатские государства могли бы позимствовать опыт строительства Европейского Союза. В рамках ЦАЭС-ОЦАС они имели Центральноазиатский парламент, Совет глав государств, Совет глав правительств, Совет министров иностранных дел, Совет министров обороны, подписанный договор о Зоне свободной от ядерного оружия, центральноазиатский миротворческий батальон, Фонд спасения Арала, функциональные консорциумы. В моменты обострения террористической угрозы, по крайней мере, три страны, непосредственно подверженные угрозе, создали совместный штаб контртеррористической операции.

Однако в 2005 г. после вхождения России в ОЦАС она вскоре прекратила свое существование в связи с объединением с Евразийским экономическим сообществом (ЕврАзЭС). Ф. Толипов считает, что таким образом Казахстан и Узбекистан, по сути, пожертвовали своим региональным лидерством. Процесс региональных взаимоотношений скатился с интеграционного на дезинтеграционный путь, прежде всего, потому, что он был и остается «элитистским по своему характеру» [Толипов, 2017: 24-28, 28-32].

При анализе (геополитического) поведения государств Центральной Азии, подчеркивает Ф. Толипов, следует не только искать причины и закономерности того или иного поведения этих государств как производной идентичности и (субъективной) воли своих лидеров и политических режимов, но и международные системные и структурные причины и закономерности, вызывающие такое поведение [Толипов, 2017: 24-28, 28-32].

Применительно к центральноазиатскому регионализму может быть использован дуалистичный подход «внешнего открытого» и «внутреннего закрытого» типа регионализма. В первом случае в региональное сотрудничество вовлекаются прилегающие к ЦА страны, а во втором оно ограничено рамками пяти стран. Ф. Толипов считает, что при сравнительно небольшом общем населении внутрирегиональное сотрудничество в ЦА имеет небольшой потенциал, если оно

не станет частью более широкого трансграничного экономического сотрудничества. В связи с этим не должно быть преувеличенных надежд на региональное сотрудничество в ЦА. Тем не менее, констатирует он, имеет место стремление к новой современной центральноазиатской региональной идентичности [Толипов, 2017: 24-28, 28-32].

Политика, обращенная в прошлое, реконструирует или создает новые смыслы, которые находят свое обоснование в теориях и концепциях исторической идентичности, в определении собственного местоположения в современном мире и внешнеполитических ориентиров.

Например, в программной статье «Семь граней Великой степи» Главы Казахстана от 21 ноября 2018 г. обращается внимание на прототюркскую часть этногенеза казахской нации, а территория современного Казахстана рассматривается как «колыбель тюркского мира» [Статья...]. В статье Ж. Туймебаева, заместителя Председателя Ассамблеи народа Казахстана, заведующего Секретариатом АНК Администрации Президента Республики Казахстан, отмечается, что Первый Президент Казахстана особое внимание обращал «на проблему усиления динамики интеграции тюркского мира». Тюркским народам, цитирует Ж. Туймебаев президента, нужно развивать единство, нужно усиливать взаимодействие в политике, экономике, науке и технологиях, история предков призывает к этому» [Туймебаев]. Как признание выдающегося вклада в развитие стран тюркского мира Ж. Туймебаев рассматривает присуждение Н. Назарбаеву пожизненного статуса Почетного председателя Совета сотрудничества тюркоязычных государств. Новые тюркские государства формируют новую повестку дня и идеологию. По мнению автора, Назарбаев всегда придавал важное значение единой концепции интегрированного тюркского мира в системе взаимоотношений Восток-Запад. Под этим углом Ж. Туймебаев рассматривает сотрудничество Тюркского совета с Евразийским экономическим союзом [Туймебаев].

В связи с этим логично обратиться к основам мировидения в *турецкой исламской мысли*. Исламское мышление в Турции было маргинализировано и подавлено после упразднения Османского Султаната и реализации светских реформ Кемали Ататюрка. Однако с появлением многопартийности в 1945 г. и успехом Демократической партии в 1950 г. параметры интеллектуальных дискуссий начали меняться. С 1952 г. начинается «исламское возрождение». Именно в этот период появилось первое поколение исламских интеллектуалов, которые непосредственно сосредоточились на идее «исламской цивилизации» и роли Турции в ней [Dalacoura]. Один из идеологов современного исламизма Неджип Фазыл Кысакюрек (Necip Fazıl Kısakürek, 1904–83) рассматривал ислам не только как религию, но и как цивилизацию, и «заново изобрел османское прошлое как сущность исламского». Он рассматривал ислам как «настоящую и универсальную цивилизацию», невосприимчивую к недостаткам западной цивилизации. Исламская цивилизация «онтологически и эпистемологически отличается от Запада» и превосходит ее, потому что она основана на шариате и «сотрудничестве, праве, справедливости и добродетели, тогда как западная основывается на силе и интересах». Утверждается, что ислам является альтернативой западной традиции, потому что он устраняет ее несправедливость и пустоты. После военного переворота 1980 г. и политическое подавление левых политическая ситуация в Турции сместилась вправо и сами военные стали продвигать на госу-

дарственном уровне идею «турецко-исламского синтеза». В начале XXI в. произошел переход от антизападного, оборонительного исламского дискурса к исламской и турецкой идентичности, более открытой для Запада. В течение первых нескольких лет правления Партия справедливости и развития, пришедшая к власти в 2002 г., не рассматривала интеграцию Турции с Западом (ЕС) и сохранение исламской идентичности как взаимоисключающий выбор. Тем не менее, точка зрения о существовании неизменных различий между восточной и западной цивилизациями прослеживается в республиканскую эпоху в Турции [Dalacoura].

Таким образом, находит практическое подтверждение, выдвинутое А. Ачарией и Б. Бузаном, о возможной разработке незападных теорий регионализма и незападных концепций строительства регионов [Acharya, Buzan: 2019]. С этим связана очевидная важность обращения внимания ученых и политиков к конфуцианству, индуизму, политическому исламу как к «незападным» онтологическим источникам конструирования международных систем.

«Мир Конфуция» против «мира Локка». Исследователи вправе поставить вопрос о том, как развитие незападных теорий и политических подходов к миропорядку может отразиться на конструкте Вестфальской модели мира, который подвергается серьезной критике с многих сторон.

Одним из системообразующих акторов Вестфальской системы является суверенное государство. Если обращаться к концепциям происхождения суверенного государства, составляющего основу современных международных отношений, то неизменно упираемся в «теорию правового государства Локка». Как отмечает Ф. Перец Мена развитие международных отношений характеризовалось расширением «локковского центра» и (полу или полной) интеграцией нескольких стран-претендентов, таких как Франция, Пруссия, позже Япония, Советский Союз, Китай, в его экспансионистскую сеть. Современным олицетворением «локковского государства» и экспортером «нормативной силы» является Европейский союз.

Что касается введения, скажем, конфуцианства в международные отношения, то необходимо иметь в виду, что как политическая традиция оно отдает приоритет государству над обществом. Ф. Перец Мена отмечает, что он не отрицает важность культурного разнообразия в процессе производства теоретических знаний, которые позволяют обществам осмысливать мир. Однако на данный момент он не видит завершенной альтернативы Вестфальской концепции мира и теории альтернативной западной модели международных отношений. На сегодняшний день «границы между «западной теорией МО» и «незападной теорией МО» размыты» [PerezMena].

На наш взгляд, ситуация в подходах к моделированию современного мира не столь однозначна, как утверждает Ф. Перец Мена.

В связи с очевидной претензией Пекина на мировую гегемонию представляет интерес китайское видение мирового порядка, его ценностных и правовых оснований, институтов и режимов. Следует иметь в виду, что о китайской школе международных отношений заговорили только в последнее время.

С большой осторожностью к наличию самостоятельной китайской школы международных отношений относится российский исследователь Е.Н. Грачиков, который считает, что китайские ученые пока воспроизводят доминирующие западные теории международных отношений и «даже свои

«инновации» рассматривают через призму западных исследовательских парадигм» [Грачиков].

Китайский ученый Юн Сююн полагает, что наиболее острой проблемой в китайском научном сообществе, связанной с «незападным» производством теорий МО, является его фрагментация между отдельными исследователями [Чжао Дань, Михайленко]. В связи с этим научному анализу подлежат теоретические подходы отдельных китайских ученых.

Ян Сюэтун, декан факультета международных отношений Университета Циньхуа, в котором, кстати, получил высшее образование нынешний глава китайского государства, отмечает, что в современном Китае конкурируют между собой марксизм, экономический прагматизм и традиционные китайские ценности. Китайское руководство пытается объединить марксизм с китайскими традиционными ценностями [YanXuetong].

Традиционализм включает не только конфуцианство, но стремится объединить все школы древней китайской мысли. Несмотря на различия, каждая из этих школ подчеркивает значение политического лидерства, а также роль стратегического авторитета в создании основы для солидарности и долговечности этого руководства. Внешняя политика сверхдержавы должна отдавать приоритет стратегической репутации. Чтобы достичь этой цели, гуманная власть (humane authority), (wang) продвигает ценности доброжелательности (values of benevolence), и справедливости (and justice), (yi) при принятии решений. В документах XIX съезда КПК в разделе внешней политики была использована терминология, характерная для китайских традиционных ценностей: близость (qin), доверие (cheng), благодеяние (hui) и вовлеченность (gong). Традиционализм диктует Китаю улучшать его международную стратегическую репутацию, взяв на себя все большую ответственность в сфере международной безопасности, особенно в деле обеспечения безопасности соседей.

Применительно к деятельности Совета Безопасности ООН использование китайских традиционных принципов выглядит таким образом. ООН предназначена для поддержания мира во всем мире, но в ней доминируют ведущие мировые державы – пять постоянных членов Совета Безопасности. Среди них является обычной практикой подрыв демократического регулирования ООН путем использования их полномочий вето и достижение таким образом несправедливых целей. На этом примере автор объясняет различие подходов в использовании китайского подхода «праведности» (righteousness) и западного – «справедливости (justice)» [YanXuetong].

В качестве фактора в международных отношениях могут использоваться ритуалы, обладающие более обширной сдерживающей силой, чем законы, поскольку они функционируют в областях, не связанных с законом.

Ритуалы могут предотвращать злоупотребления, насильственные действия. В то время, как законы им попустительствуют. Ритуалы являются основой цивилизованности и продвигают социальную значимость человеческой жизни выше принципа свободы.

Изменения баланса сил на протяжении всей истории сопровождалась мировыми войнами. Китайский традиционный подход к глобальному управлению предполагает иерархию подчинения, на вершине которой находится превосходящее по силе ведущее государство. Это единственный способ сохранения международного порядка. Однако в пику современным державам-гегемонам Китай противопоставляет

себя как «авторитет для людей» или «гуманная власть» (humane authority). Китайские философы заменили принцип гегемонии (badao) принципом «xiong cai da lue» (великий талант и смелое видение).

Китайское руководство признало несоответствие между марксизмом и традиционными китайскими ценностями и приступило к их согласованию. Это связано с тем, что традиционный китайский требует, чтобы внутренняя и внешняя политика согласовывались на одних принципах.

Ян Сюэтун признает, что могут возникнуть трудности в достижении поставленных Китаем целей, поскольку либерализм по-прежнему является наиболее влиятельной глобальной идеологией и не будет выброшен на свалку в одночасье. Китай может изменить международный порядок, сочетая китайские традиционные ценности с либеральными ценностями. В комбинации тех и других может сложиться новый набор современных ценностей гуманной власти (wangdao), включающий идеалы справедливости, беспристрастности и вежливости. Таким образом, современные развивающиеся государства могут устанавливать новые международные нормы, не отвергая ценности либерализма, а объединяя их с модернизированными ценностями гуманной власти. Такой подход будет способствовать установлению стабильного международного порядка.

В завершение статьи Ян Сюэтун достаточно категорично высказывается по поводу современного мирового порядка, предвещая его неминуемый крах в результате смещения мирового центра силы. Легитимизация нового лидера будет происходить в результате культивирования новых основных ценностей. Модернизированная «гуманная власть» может стать привлекательной альтернативой для растущих государств. Она имеет три преимущества перед либерализмом.

Во-первых, она отличается от либерализма, но не настолько, чтобы быть неприемлемой для либеральных государств.

Во-вторых, новые нормы, основанные на традиционных ценностях, будут благоприятными для небольших государств, которые составляют в настоящее время большинство членов ООН.

В-третьих, основные ценности нового порядка являются универсально нравственными, что неизбежно повысит доверие других стран к новому центру лидерства [Yan Xuetong].

Нельзя категорично утверждать, что китайский традиционализм уже бросил вызов вестфальским принципам организации мирового порядка, основанными на суверенитете государств и верховенстве права. Однако, на китайском высшем политическом уровне и в экспертном сообществе проявляются подобные тенденции.

В связи с введением закона о безопасности в Гонконге китайский теоретик Тянь Фейлонг обосновал заслуживающие внимания тренды в политике Китая: «Когда я был слаб, мне приходилось играть по твоим правилам. Теперь я силен и уверен в себе, так почему я не могу установить свои собственные правила, ценности и идеи?» [Buckley].

Пока нет полной ясности относительно того, каких принципов будет придерживаться китайская внешняя политика. Лукас К. Дэннер и Феликс У. Мартин выделяют три возможных типа китайской мировой гегемонии [Danner, Martín]. Первый, «великодушный (benevolent) тип гегемона» предполагает активную и либеральную социально-политическую и экономическую практику, открытие собственных рынков. Второй, «тип принуждающего (coercive) гегемона». Третий, «гегемония в голландском стиле (Dutch-

style hegemony)», основанная на преимущественном использовании экономических и финансовых инструментов. Авторы статьи считают, что «гегемония в голландском стиле» может быть наиболее жизнеспособным путем для Китая в его мировой гегемонии. «Следовательно, Китаю нужны мирные, стабильные и относительно процветающие международные экономические и государственные системы, чтобы продолжать процветать и извлекать дивиденды» [Danner, Martín]. Тем не менее, авторы полагают, что молчаливая реакция Пекина на крымские события 2014 г. свидетельствует об устремлениях самого Китая к ревизионизму, агрессивности и принуждению. Китай дает понять Западу и всему миру, что он готов защищать свое место среди великих держав, даже если это влечет за собой применение силы и массовое насилие [Danner, Martín].

Ученый из университета Глазго М. Качмарски, отмечает, что у Китая и России разные взгляды на регионализм и разные подходы к тому, как должен быть организован региональный порядок. Китай определяет регионализм в функциональных, а не территориальных терминах и рассматривает свой проект как всеобъемлющий, выходящий за пределы очерченных территориальных границ региона. Правящая элита Китая рассматривает проект Новый Шелковый путь как способ укрепления связей Китая с внешним миром и усиления выгод, которые он получает от глобализации. Россия, в свою очередь, интерпретирует регионализм в пространственном и историческом плане, рассматривая его в первую очередь как способ реорганизации постсоветского пространства. Российская элита считает Евразийский экономический союз (ЕАЭС) протекционистской мерой против глобализации и барьером против влияния других субъектов на постсоветском пространстве. Китай подчеркивает гибкость и открытость своего проекта. Россия выбирает универсальные и юридически обязательные нормы, что усиливает оборонительный характер ее регионального проекта [Kaczmarek].

В последние годы китайская дипломатия стала более нетерпимой в отношении практически любого несогласия с внутренней или внешней политикой КНР. По определению китайского руководства внешняя политика Китая направлена на преодоление синдрома «национального унижения» и использование «дипломатии воинов-вожков» (wolf-warrior diplomacy) по аналогии с героями китайских сил специальных операций из современных китайских боевиков [Dettmer].

Эксперты расходятся во мнениях относительно внешней и региональной политики КНР. Например, П. Эскобар считает: «Все возможные ответвления Шелкового пути – на энергетическом фронте, в портах, на Шелковом пути здоровья, в цифровом соединении – будут стратегически ориентированы. Те, кто мечтал, что Covid-19 может стать идеальным предлогом для новой Ялты – объединяя Трампа, Си и Путина – могут упокоиться с миром» [Escobar].

Аналитик из итальянского Института международных политических исследований А. Беркофски полагает, что «на данный момент Пекин все еще является лишь региональным «хулиганом» с глобальными амбициями». «Тем не менее, у Китая крутая кривая обучения, и способность Запада сдерживать напористость Китая ослабевает» [Berkofsky].

Профессор американского университета Бакнелла Жикун Жу более оптимистичен в отношении перспектив формирования ответственной китайской внешней политики. Он считает, что «сильный Китай должен быть более уверенным и восприимчивым к конструктивной критике». «Нахождение

баланса между твердой защитой национальных интересов и укреплением мягкой силы является сегодня большой проблемой в китайской дипломатии» [Zhiqun Zhu].

Нормативная сила России в Центральной Азии. М. Ларюэль выделяет несколько направлений в российской нормативной «мягкой силе» в ЦА. Одно из них реализуется непосредственно государством на двустороннем уровне; другое поддерживается региональными институтами (договорами об СНГ, Евразийском экономическом союзе, ОДКБ, ШОС); третье осуществляется на уровне взаимодействия антилиберально настроенных гражданских обществ [Laruelle (35)].

Важное место в этом процессе с перспективой перехода от экстенсивной (broader) к интенсивной (deeper) модели интеграции занимает Евразийский экономический союз. На основе обоснованных характеристик постсоветской интеграционной «колеи зависимости» (path dependence) Княкин А.А. приходит к выводу о том, что подверженность влиянию «прежних интеграционных практик» может привести к «интеграционной дисфункции», характеризующейся снижением динамики и эффективности интеграционных процессов, а также деградацией интеграционных механизмов вследствие действия негативных факторов. В качестве примера он ссылается на два проблемных постсоветских интеграционных объединения – Содружество независимых государств (СНГ) и Союзное государство России и Беларуси. В пике прежних интеграционных практик Княкин А.А. оптимистично рассматривает «евразийский проект» как феномен «нового регионализма» и связанные с ним институты, такие, как Таможенный Союз. Тем не менее, среди трудностей интеграционного проекта ЕАЭС он выделяет «отсутствие единой модели интеграционного сотрудничества» [Княкин, 2017].

Кроме того, Россия располагает возможностями военного и других форм влияния на государства Центральной Азии, например, через миграционные вопросы, особенно трудовую миграцию.

Аналитики обращают внимание на преобладающие антизападные и антилиберальные настроения, которые характерны для обществ стран Центральной Азии. Является ли это признаком российской нормативной силы в Центральной Азии?

Набор норм, продвигаемых российским государством, М. Ларюэль систематизирует в следующем виде:

- суверенитет как высшая ценность, формирующая международные отношения;
- государство является реципиентом преемственности нации во времени и ее «сущности» с точки зрения ценностей, и поэтому нельзя бросать вызов внутри государства, не ставя под угрозу саму стабильность общества;
- евразийское пространство – это особый цивилизованный мир, автономия которого должна быть защищена и в котором Россия играет центральную роль;
- Россия ценит «классический», «исторический» Запад и считает себя его легитимной частью, но отвергает «постмодернистский» Запад, воспринимаемый как декадентский и отрицающий его собственную сущность.

Таким образом, Россия использует «мягкую силу» в Центральной Азии через инструменты влияния евразийской интеграции, «Русского мира» или продвижения «консервативных ценностей» [Laruelle (33)].

Подводя итоги следует отметить эвристический потенциал послыла А. Ачария, Б. Бузана и Дж. Лоусона относительно того, что глобальная трансформация системы оказывает влияние на формирование «незападных» подходов к теоре-

тическому обоснованию интеграционных моделей и практическому конструированию интеграционных проектов. Как отмечали Б. Бузан и Дж. Лоусон, в рамках «глобальной современности» происходит глобальная трансформация системы международных отношений, которая ведет к «децентрированному глобализму». Это, в свою очередь, окажет

влияние на формирование «не-евроцентрической исторической социологии» [Buzan B., Lawson G., 2016: 502 – 522].

Изучение регионального конструирования в Центральной Азии дает обширный эмпирический материал для теоретического осмысления «незападного» регионализма и политикам для учета специфических особенностей регионостроительства и реализации интеграционных проектов.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность 93%.

Список литературы:

1. Геополитика Китая на Памире и его «липкая сила» в Таджикистане // <https://caa-network.org/archives/19738> (15.05.2020).
2. Грачиков Е.Н. Китайская школа международных отношений: право на методологическое самосознание // *Мировая политика.* – 2017. – № 1. – С. 47 – 65.
3. Интервью Ф. Старр. «Пришло время смотреть на Афганистан как часть Центральной Азии» // <https://www.gazeta.uz/ru/2017/11/21/frederick-starr/> [20.07.2020].
4. Киньякин А.А. Евразийский экономический союз: в попытке избежать постсоветской интеграционной path dependence // *Вестник РУДН. Серия: Политология.* 2017. Т. 19. № 4. С. 426, 432.
5. Князев А.А. Карт-Бланш. Китай приступает к созданию военного альянса в Центральной Азии // http://www.ng.ru/world/2016-03-15/3_kartblansh.html (12.05.2020).
6. Кушкumbaев С. 25 лет независимости стран Центральной Азии: вызовы из прошлого // *Центральная Азия – 25: мысли о прошлом, проекция будущего.* Сборник эссе из Центральной Азии. Под ред. М. Ларюэль, Курмановой А. Программа изучения Центральной Азии, Институт европейских, российских и евразийских исследований. Школа международных отношений им. Эллиотта Университет Дж. Вашингтона, 2017. С. 7.
7. Ларюэль М. Введение // *Центральная Азия – 25: мысли о прошлом, проекция будущего.* Сборник эссе из Центральной Азии. Под ред. М. Ларюэль, Курмановой А. Программа изучения Центральной Азии, Институт европейских, российских и евразийских исследований. Школа международных отношений им. Эллиотта Университет Дж. Вашингтона, 2017. С. 4-5.
8. Майтдинова Г. Суверенитету Таджикистана 25 лет: история и перспективы развития // *Центральная Азия – 25: мысли о прошлом, проекция будущего.* Сборник эссе из Центральной Азии. Под ред. М. Ларюэль, Курмановой А. Программа изучения Центральной Азии, Институт европейских, российских и евразийских исследований. Школа международных отношений им. Эллиотта Университет Дж. Вашингтона, 2017. С. 20.
9. Официальный сайт Europe Union – Central Asia monitoring // <https://eucentralasia.eu/ru/>
10. Послание Президента Касым-Жомарта Токаева казахстанцам // https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/opublikovan-polnyiy-tekst-poslaniya-tokaeva-kazahstansam-412824/ [08.09.2020]
11. Сафранчук И.А. Варианты регионализации и глобализации для Центральной Азии // *Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии.* 2017. № 5-6 (56-57). С. 48-55.
12. Сомкамнерд Навапат. Внешняя региональная политика Таиланда (1990-е–2000-е гг.). Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Екатеринбург: УрФУ, 2018.
13. Статья Главы государства «Семь граней Великой степи» // <http://www.akorda.kz/ru/events/statya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi> [23.07.2020].
14. Сухроб Р. Зарубежная аналитика об интеграционных процессах в Центральной Азии // <https://caa-network.org/archives/20098>
15. Толпиков Ф. Теория дезинтеграции // *Центральная Азия – 25: мысли о прошлом, проекция будущего.* Сборник эссе из Центральной Азии. Под ред. М. Ларюэль, Курмановой А. Программа изучения Центральной Азии, Институт европейских, российских и евразийских исследований. Школа международных отношений им. Эллиотта Университет Дж. Вашингтона, 2017. С.24-28.
16. Толпиков Ф. Теория интеграции // *Центральная Азия – 25: мысли о прошлом, проекция будущего.* Сборник эссе из Центральной Азии. Под ред. М. Ларюэль, Курмановой А. Программа изучения Центральной Азии, Институт европейских, российских и евразийских исследований. Школа международных отношений им. Эллиотта Университет Дж. Вашингтона, 2017. С. 28–32.

Reference list:

1. China's geopolitics in the Pamirs and its «sticky power» in Tajikistan // <https://caa-network.org/archives/19738> (15.05.2020).
2. Grachikov E.N. The Chinese School of International Relations: the Right to Methodological Self-Consciousness // *World Politics.* – 2017. – № 1. – P. 47 – 65.
3. Interview by F. Starr. «It's time to look at Afghanistan as part of Central Asia» // <https://www.gazeta.uz/ru/2017/11/21/frederick-starr/> [20.07.2020].
4. Kinyakin A.A. Eurasian Economic Union: in an attempt to avoid post-Soviet integration path dependence // *Bulletin of RUDN. Series: Political Science.* 2017. T. 19. № 4. P. 426, 432.
5. Knyazev A.A. Carte blanche. China begins to create a military alliance in Central Asia // http://www.ng.ru/world/2016-03-15/3_kartblansh.html (05/12/2020).
6. Kuskumbaev, S. 25 years of Independence of the Central Asian countries: challenges from the past // *Central Asia – 25: thoughts about the past, projection of the future.* A collection of essays from Central Asia. Ed. M. Laruelle, Kurmanova A. Central Asia Studies Program, Institute for European, Russian and Eurasian Studies. School of International Relations. Elliott G. Washington University, 2017.
7. Laruelle M. Introduction // *Central Asia – 25: thoughts about the past, projection of the future.* A collection of essays from Central Asia. Ed. M. Laruelle, Kurmanova A. Central Asia Studies Program, Institute for European, Russian and Eurasian Studies. School of International Relations. Elliott G. Washington University, 2017. S. 4-5.
8. Maitdinova G. Tajikistan's sovereignty is 25 years old: history and development prospects // *Central Asia – 25: thoughts about the past, projection of the future.* A collection of essays from Central Asia. Ed. M. Laruelle, Kurmanova A. Central Asia Studies Program, Institute for European, Russian and Eurasian Studies. School of International Relations. Elliott G. Washington University, 2017. P. 20.
9. The official website of Europe Union – Central Asia monitoring // <https://eucentralasia.eu/ru/>
10. Message from President Kassym-Jomart Tokayev to Kazakhstanis // https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/opublikovan-polnyiy-tekst-poslaniya-tokaeva-kazahstansam-412824/ [09/08/2020]
11. Safranchuk I.A. Variants of regionalization and globalization for Central Asia // *The Big Game: Politics, Business, Security in Central Asia.* 2017. No. 5-6 (56-57). P. 48-55.
12. Somkamnerd Navapat. Foreign regional policy of Thailand (1990s – 2000s). Diss. for the degree of Cand. ist. sciences. Yekaterinburg: UrFU, 2018.
13. Article of the Head of State «Seven Facets of the Great Steppe» // <http://www.akorda.kz/ru/events/statya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi> [07/23/2020].
14. Sukhrob R. Foreign analytics on integration processes in Central Asia // <https://caa-network.org/archives/20098>
15. Tolpikov F. The theory of disintegration // *Central Asia – 25: thoughts about the past, projection of the future.* A collection of essays from Central Asia. Ed. M. Laruelle, Kurmanova A. Central Asia Studies Program, Institute for European, Russian and Eurasian Studies. School of International Relations. Elliott G. Washington University, 2017. P. 24-28.
16. Tolpikov F. The theory of integration // *Central Asia – 25: thoughts about the past, projection of the future.* A collection of essays from Central Asia. Ed. M. Laruelle, Kurmanova A. Central Asia Studies Program, Institute for European, Russian and Eurasian Studies. School of International Relations. Elliott G. Washington University, 2017. P. 24-28.

17. Туимебаев Ж. Елбасы и тюркский мир: признание мирового масштаба // <https://kazpravda.kz/articles/view/elbasi-i-turkskii-mir-priznanie-mirovogo-masshtaba> [23.07.2020].
18. Центральная Азия 2027: меняющийся стратегический ландшафт. Вероятные сценарии на 10 лет вперед. Шаймергенов Т.Т., Абишева М.А., Рахимжанова А.Ж. и др. – Астана: Издательство Библиотеки Первого Президента РК – Елбасы, 2017. С. 10.
19. Центральная Азия – 25: мысли о прошлом, проекция будущего. Сборник эссе из Центральной Азии. Под ред. М. Ларуэль, Курмановой А. Программа изучения Центральной Азии, Институт европейских, российских и евразийских исследований. Школа международных отношений им. Эллиотта Университет Дж. Вашингтона, 2017; Астана: Издательство Библиотеки Первого Президента РК – Елбасы, 2017. С. 10.
20. Чжао Дань, Михайленко В. Китайская школа международных отношений // http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/76002/1/978-5-7996-2625-9_016.pdf
21. Acharya A. Thinking Theoretically about Asian IR // https://www.researchgate.net/publication/342345351_Thinking_Theoretically_about_Asian_IR_AMITAV_ACHARYA [16.07.1920]
22. Acharya, A., Buzan, B. The Making of Global International Relations. In The Making of Global International Relations: Origins and Evolution of IR at its Centenary. Cambridge: Cambridge University Press, 2019, 363 p.
23. Affairs Alice Wells' recent trek to Tajikistan// <https://thediplomat.com/2020/01/security-at-the-core-of-senior-us-diplomats-visit-to-tajikistan/> [23.08.2020]
24. Berkofsky A. China's 'Wolf-Warrior Diplomacy'// <https://www.ispionline.it/it/publicazione/chinas-wolf-warrior-diplomacy-26951> [20.07.2020]
25. Buckley C. «Clean Up This Mess»: The Chinese Thinkers Behind Xi's Hard Line // https://www.nytimes.com/2020/08/02/world/asia/china-hong-kong-national-security-law.html?fbclid=IwAR1gDwVY_vs4SdKfQ7CC7gj0sb832hITNEE11kpfS2OjBflccX6sE9UjckE [08.08.2020]
26. Buzan B., George Lawson G. Theory, History, and the Global Transformation// International Theory. 2016. 8:3, p. 502
27. China's Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia/Ed. By M. Laruelle. Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2018; Tajikistan on the Move. State building and Societal Transformations/ Ed. by M. Laruelle. Lexington Books, 2018.
28. Dalacoura K. Global IR, global modernity and civilization in Turkish Islamist thought: a critique of culturalism in international relations// <https://link.springer.com/article/10.1057%2F41311-020-00242-8> [27.07.2020]
29. Danner L. K., Martín F.E. China's hegemonic intentions and trajectory: Will it opt for benevolent, coercive, or Dutchstyle hegemony? // <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/app5.273>
30. Dettmer J. China's 'Wolf Warrior' Diplomacy Prompts International Backlash// <https://www.voanews.com/covid-19-pandemic/chinas-wolf-warrior-diplomacy-prompts-international-backlash> (16.05.2020).
31. Escobar P. China updates its 'Art of (Hybrid) War' // https://asiatimes.com/2020/05/china-updates-its-art-of-hybrid-war/?mc_cid=ce623c794d&mc_eid=2c6d438fa6
32. Kaczmarek M. Non-western visions of regionalism: China's New Silk Road and Russia's Eurasian Economic Union // Intern. Affairs. Vol. 93, iss. 6. Nov. 2017. P. 1357–1376.
33. Laruelle M. Assessing Russia's Normative Agenda in Central Asia// <https://www.bishkekproject.com/memos/16> [04.04.2020]
34. Laruelle M., Perouse S. Regional Organisations in Central Asia: Patterns of Interaction, Dilemmas of Efficiency. Institute of Public Policy and Administration. Working Paper N 10, 2012// <https://ssrn.com/abstract=2943844> [13.07.2020]
35. Laruelle M. Russia's Eurasianist soft power in Central Asia// <http://greater-europe.org/archives/3190> [14.08.2020].
36. Perez Mena F. The Trap of Diversity: What Constitutes 'Non-Western IR Theory'? // <https://www.e-ir.info/2020/05/08/the-trap-of-diversity-what-constitutes- / non-western-ir-theory>
37. Putz C. Security at the Core of Senior US Diplomat's Visit to Tajikistan. Regional cooperation and security were the top-line items of Principal Deputy Assistant Secretary for South and Central Asian
38. The Chinese Journal of International Politics, Volume 11, Issue 1, Spring 2018, Pages 1–22// <https://doi.org/10.1093/cjip/poy001> (13.05.2020)
39. Yan Xuetong. Chinese values vs. liberalism: What ideology will shape the international normative order? // The Chinese Journal of International Politics, Volume 11, Issue 1, Spring 2018, Pages 1–22// <https://doi.org/10.1093/cjip/poy001> (13.05.2020)
40. Zhiqun Zhu. Interpreting China's 'Wolf-Warrior Diplomacy' // <https://thediplomat.com/2020/05/interpreting-chinas-wolf-warrior-diplomacy/?fbclid=IwAR1pqX9AsePIVkwrofcitnvpQY9HosRIWTKvj6MrNfHPDMFEFY96t1No3s> (17.05.2020).
17. Tuimebayev J. Elbasy and the Turkic world: recognition of the world scale // <https://kazpravda.kz/articles/view/elbasi-i-turkskii-mir-priznanie-mirovogo-masshtaba> [07/23/2020].
18. Central Asia 2027: A Changing Strategic Landscape. Possible scenarios for 10 years ahead. Shaimergerenov T.T., Abisheva M.A., Rakhimzhanova A.Zh. and others – Astana: Publishing House of the Library of the First President of the Republic of Kazakhstan – Elbasy, 2017.
19. Central Asia – 25: thoughts about the past, projection of the future. A collection of essays from Central Asia. Ed. M. Laruelle, Kurmanova A. Central Asia Studies Program, Institute for European, Russian and Eurasian Studies. School of International Relations, Elliott G. Washington University, 2017; Astana: Publishing House of the Library of the First President of the Republic of Kazakhstan – Elbasy, 2017. 10 p.
20. Zhao Dan, Mikhaylenko V. Chinese School of International Relations // http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/76002/1/978-5-7996-2625-9_016.pdf
21. Acharya A. Thinking Theoretically about Asian IR// https://www.researchgate.net/publication/342345351_Thinking_Theoretically_about_Asian_IR_AMITAV_ACHARYA [16.07.1920]
22. Acharya, A., Buzan, B. The Making of Global International Relations. In The Making of Global International Relations: Origins and Evolution of IR at its Centenary. Cambridge: Cambridge University Press, 2019, 363 p.
23. Affairs Alice Wells' recent trek to Tajikistan// <https://thediplomat.com/2020/01/security-at-the-core-of-senior-us-diplomats-visit-to-tajikistan/> [23.08.2020]
24. Berkofsky A. China's 'Wolf-Warrior Diplomacy'// <https://www.ispionline.it/it/publicazione/chinas-wolf-warrior-diplomacy-26951> [20.07.2020]
25. Buckley C. «Clean Up This Mess»: The Chinese Thinkers Behind Xi's Hard Line// https://www.nytimes.com/2020/08/02/world/asia/china-hong-kong-national-security-law.html?fbclid=IwAR1gDwVY_vs4SdKfQ7CC7gj0sb832hITNEE11kpfS2OjBflccX6sE9UjckE [08.08.2020]
26. Buzan B., George Lawson G. Theory, History, and the Global Transformation// International Theory. 2016. 8:3, p. 502
27. China's Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia/Ed. By M. Laruelle. Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2018; Tajikistan on the Move. State building and Societal Transformations/ Ed. by M. Laruelle. Lexington Books, 2018.
28. Dalacoura K. Global IR, global modernity and civilization in Turkish Islamist thought: a critique of culturalism in international relations// <https://link.springer.com/article/10.1057%2F41311-020-00242-8> [27.07.2020]
29. Danner L. K., Martín F.E. China's hegemonic intentions and trajectory: Will it opt for benevolent, coercive, or Dutchstyle hegemony? // <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/app5.273>
30. Dettmer J. China's 'Wolf Warrior' Diplomacy Prompts International Backlash// <https://www.voanews.com/covid-19-pandemic/chinas-wolf-warrior-diplomacy-prompts-international-backlash> (16.05.2020).
31. Escobar P. China updates its 'Art of (Hybrid) War' // https://asiatimes.com/2020/05/china-updates-its-art-of-hybrid-war/?mc_cid=ce623c794d&mc_eid=2c6d438fa6
32. Kaczmarek M. Non-western visions of regionalism: China's New Silk Road and Russia's Eurasian Economic Union // Intern. Affairs. Vol. 93, iss. 6. Nov. 2017. P. 1357–1376.
33. Laruelle M. Assessing Russia's Normative Agenda in Central Asia// <https://www.bishkekproject.com/memos/16> [04.04.2020]
34. Laruelle M., Perouse S. Regional Organisations in Central Asia: Patterns of Interaction, Dilemmas of Efficiency. Institute of Public Policy and Administration. Working Paper N 10, 2012// <https://ssrn.com/abstract=2943844> [13.07.2020]
35. Laruelle M. Russia's Eurasianist soft power in Central Asia// <http://greater-europe.org/archives/3190> [14.08.2020].
36. Perez Mena F. The Trap of Diversity: What Constitutes 'Non-Western IR Theory'? // <https://www.e-ir.info/2020/05/08/the-trap-of-diversity-what-constitutes- / non-western-ir-theory>
37. Putz C. Security at the Core of Senior US Diplomat's Visit to Tajikistan. Regional cooperation and security were the top-line items of Principal Deputy Assistant Secretary for South and Central Asian
38. The Chinese Journal of International Politics, Volume 11, Issue 1, Spring 2018, Pages 1–22// <https://doi.org/10.1093/cjip/poy001> (13.05.2020)
39. Yan Xuetong. Chinese values vs. liberalism: What ideology will shape the international normative order? // The Chinese Journal of International Politics, Volume 11, Issue 1, Spring 2018, Pages 1–22// <https://doi.org/10.1093/cjip/poy001> (13.05.2020)
40. Zhiqun Zhu. Interpreting China's 'Wolf-Warrior Diplomacy' // <https://thediplomat.com/2020/05/interpreting-chinas-wolf-warrior-diplomacy/?fbclid=IwAR1pqX9AsePIVkwrofcitnvpQY9HosRIWTKvj6MrNfHPDMFEFY96t1No3s> (17.05.2020).

Статья поступила в редакцию 18.06.2020, принята к публикации 16.07.2020
The article was received on 18.06.2020, accepted for publication 16.07.2020

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ РЕКОМЕНДУЕТ СТАТЬЮ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Сагимбаев Алексей Викторович – доктор исторических наук, зав. кафедрой всеобщей истории, международных отношений ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (специальность 07.00.03)

РЕЦЕНЗИЯ

на статью В. И. Михайленко и Р. Сухроба
«Центральная Азия как интеграционный проект в условиях неопределенности»

Современная Центральная Азия, несмотря на многовековую историю, по существу, является молодым регионом, в котором пока только складывается своя субъектность. Входящие в него государства взаимосвязаны решением многих проблем коммуникаций, водных ресурсов, миграционных процессов и др. Можно сказать, что Центральноазиатский регион обречен на развитие интеграционных процессов. Вместе с тем, неясными остаются многие параметры интеграционных проектов. Пойдет ли речь о вовлечении в них Афганистана, какую роль в этих процессах сыграют великие державы, большие и средние региональные государства?

В своих прогнозах авторы пытаются опираться на современные теории регионализма. В частности, вслед за А. Ачария и Б. Бузаном, которые первыми поставили вопрос о «незападных» теориях регионализма, авторы статьи пытаются оценить, как может повлиять на выбор центральноазиатского пути интеграции национальная специфика государств этого региона, например, тяготение Казахстана

к тюркскому миру, или закрывшийся для внешнего мира Туркменистан, или, опутанные кредитами Китая, Таджикистан и Кыргызстан, или стремящийся к лидерству в регионе Узбекистан.

В статье обращается внимание на специфические особенности исламского и китайского мировидения, на возможности использования Россией «нормативной силы» в регионе. Авторы склоняются к возможности развития интеграционных процессов в Центральной Азии по «асановскому» пути. Новизна и актуальность избранной авторами темы заключается в том, что они попытались применить «незападные» методологические подходы к рассмотрению интеграционных процессов в Центральной Азии.

Рекомендую статью В. И. Михайленко и Р. Сухроба к публикации в журнале «История и современное мировоззрение».

Рецензент:

Профессор кафедры востоковедения
Уральского федерального университета,
доктор исторических наук
В. А. Кузьмин

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Михайленко Валерий Иванович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация, <http://orcid.org/0000-0002-2576-212X>, Researcher ID (WoS) AAA-5964-2019, e-mail: valery.mikhaylenko@urfu.ru

Сухроб Рустами, инженер-исследователь, аспирант кафедры теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация, e-mail: izan_93@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valery I. Mikhaylenko, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Professor in International Relations – History of International Relations, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation, <http://orcid.org/0000-0002-2576-212X>, Researcher ID (WoS) AAA-5964-2019, e-mail: valery.mikhaylenko@urfu.ru

Rustami Suhrob, research engineer, post-graduate student of the Department of theory and history of international relations, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation, e-mail: izan_93@mail.ru